

Василий Михайлович Петрово-Соловово

**«Союз 17 октября», его задачи
и цели, его положение среди
других политических партий**

Василий Михайлович Петрово-Соловово «Союз 17 октября», его задачи и цели, его положение среди других политических партий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22207677

Аннотация

«Россия гибнет. Россия возрождается к новой жизни. Россия неудержимо стремится в пропасть. Россия мучительно переживает необходимый в её истории кризис. Вот слова, которые за последнее время приходится слышать отовсюду. Они произносятся в частных беседах, они звучат с профессорской и церковной кафедры и с трибуны народного оратора. И в том же противоречии между собою, как и эти слова, находятся и те способы и средства, которыми каждый старается уврачевать охвативший наше отечество недуг. В том, что совершается на наших глазах, в чем мы сами являемся и деятелями и жертвами, одни видят только естественный и вполне исторически-законный переход от одних государственных форм к другим, тот переход, который в свое время совершили народы запада...»

Василий Петрово-Соловово «Союз 17 октября», его задачи и цели, его положение среди других политических партий

Речь В. Петрово-Соловово, произнесенная 30-го декабря 1905 года на общем Собрании Тамбовского Отделения «Союза».

Мм. Г-ни, Мм. Гг.

Россия гибнет. Россия возрождается к новой жизни. Россия неудержимо стремится в пропасть. Россия мучительно переживает необходимый в её истории кризис. Вот слова, которые за последнее время приходится слышать отовсюду. Они произносятся в частных беседах, они звучат с профессорской и церковной кафедры и с трибуны народного оратора. И в том же противоречии между собою, как и эти слова, находятся и те способы и средства, которыми каждый старается уврачевать охвативший наше отечество недуг. В том, что совершается на наших глазах, в чем мы сами являемся и деятелями и жертвами, одни видят только естественный и вполне исторически-законный переход от одних государ-

ственных форм к другим, тот переход, который в свое время совершили народы запада. Другие усматривают в текущих явлениях общественной и государственной жизни зарю новой, еще ни одним народом непережитой поры, «тьень грядущих событий», начало нового светлого будущего. Третьи, наконец, всеми силами стараются доказать и себе и другим, что совершающиеся события не указывают ни на какой радикальный переворот, что основные устои русской государственности могут и должны остаться неизменными, но что требуется только освободить ее от несвязанных с нею органически, а постепенно образовавшихся придатков, и что тогда весь государственный организм огромной страны придет в состояние спокойствия и равновесия. Они думают, что стоит только вставить несколько новых спиц в колеса старой колесницы, подновить облупившуюся от времени окраску, и ее можно пустить катиться по тряской дороге истории на многие годы и, быть может, и многие десятилетия. Одни устремляют свой взор вперед, стараясь проникнуть им сквозь завесу будущего, и ищут разрешение назревших и наиболее важных вопросов в теоретическом построении еще никем неиспытанного социального государства, другие из воспоминаний далекого прошлого, эпохи земских соборов и самодержавия Московских царей, создают себе идеалы для будущего устройства русского государства. Между этими крайними направлениями общественной мысли широкой струей проходит среднее течение. К нему примыкают все те, кто одина-

ково далек от желания сделать, зажмуря глаза, скачок в неизвестное будущее и подвергнуть отечество опасному эксперименту социального переворота, так и те, кто не находит возможным в далеком прошедшем искать разрешения задачи ближайшего будущего. К нему примыкают все те, кто убежден, что русский народ по своему национальному характеру, своей культуре, своей религии, своему племенному составу сливается вместе с народами западной Европы в одну общую этнографическую семью, а потому и должен в аналогичных формах пройти те же самые ступени в своем историческом развитии. Из людей таких убеждений формируются при наступлении благоприятных условий конституционно-монархические политические партии, видное место среди которых принадлежит и «Союзу 17-го октября.» Моя задача будет состоять в том, чтобы охарактеризовать, хотя бы только в главных чертах, основные принципы этого союза, его стремления и цели, определить его место среди других политических партий и его отношение к ним.

Пользуясь парламентской терминологией, можно разделить все действующие у нас политические партии на три большие группы: партии левые, партии центра и партии правые. Оставляя в стороне анархистов, которые отрицают самую идею государства, мы видим на крайней левой партии чисто революционные, стремящиеся к полному низвержению существующего правительства и насильственным путем желающие установить новый государственный порядок.

В их программы входит, таким образом, не только радикальное переустройство политического, но в большинстве случаев и экономического строя на социалистических началах. В их тактику входят как террористические акты против отдельных лиц, так равно и общее вооруженное восстание. Насколько далеко могут они зайти в этом направлении, показывают последние Московские события. Непосредственно за ними, считая слева направо, стоит партия конституционалистов-демократов. Она сложилась из существовавших несколько лет тому назад «Союза Освобождения» и «Союза земских конституционалистов». Партия эта не представляет из себя чего-либо вполне однородного. В ней есть и социалисты, есть и противники социализма, есть и монархисты, есть и убежденные республиканцы. И хотя эта партия и не ставит прямо боевой программы, но и недостаточно резко отмежевывается от чисто революционных организации для того, чтобы мы имели основание признать ее партией мира. Требование же Учредительного Собрания и полнейшая солидарность с политической забастовкой, как это было заявлено на съезде партий 12–18 октября настоящего года, указывают на в значительной мере выраженный революционный её характер. На организационном съезде конституционалистов-демократов в Москве член этой партии, профессор Милюков, в своей вступительной речи определенно называет партии, стоящие справа, своими противниками, а стоящие слева «желает назвать» союзниками. А то обстоятель-

ство, что партия именно эту речь напечатала в виде введения к своей программе, дает полное основание заключить, что она солидарна во взглядах с бывш. Московск. профессором. Центр принадлежит целому ряду конституционно-монархических партий: «Торгово-промышленной», «партии правового порядка», «Прогрессивно-экономической», «Умеренно-прогрессивной», партии «Народного Блага» и наконец нашему «Союзу 17-го октября». Все они сходятся в главных политических и экономических принципах и разнятся или в второстепенных подробностях или даже только в различной формулировке одного и того же положения. Надо надеяться, что в самом непродолжительном времени все они, если и не сольются в одну общую организацию, то между ними будет заключен самый тесный союз и полное объединение электро-альной тактики.

Наконец на правой стороне находится целая группа защитников самодержавного режима: «Партия Народного Центра», «Монархическая Партия», «Партия Русского Собрания» в Западном Крае (Вильне и Варшаве) и «Союз Русских Людей» или, как его иногда называют, «Союз Русского Народа». На крайней правой, подобно тому, как на крайней левой стоят реакционеры террористы (т. наз. черная сотня) которые желают насилием искоренить крамолу. «Союз Русских Людей», с которым мы всего чаще будем иметь дело, представляет из себя значительную по численности политическую партию. Она исключает из своей программы всякое

переустройство русского государства на началах западно-европейских конституций и в манифесте 17-го октября видит не более, как изменение нынешнего самодержавного строя в смысле большего общения между Царем и народом. Самый же основной принцип самодержавия, неограниченность Царской власти, остается неизменным.

Таково расположение отдельных инструментов того могучего оркестра, который в настоящее время исполняет грандиозный гимн обновления России, начиная от труб и литавр, беспощадно гремящих против старого режима, и до флейт и арф, мечтательно тоскующих о далеком добром старом времени мира, тишины и древнего благочестия. Мы должны попытаться определить нашу партитуру в этом концерте и установить те гармонические нити, которыми мы связаны с нашими соседями.

Что касается крайних революционных партий социал-революционеров, еврейского «бунда» анархистов, то наше отношение к ним ясно и просто. Ни цели, которые они себе ставят, ни способы, которыми они стремятся их осуществить, ни в каком случае не могут быть нашими целями и нашими способами. Мы должны признать все эти партии нашими самыми решительными противниками и бороться с ними и в выборной компании и в Думе со всею энергией, на которую мы только способны, и всеми теми средствами, которые мы признаем с нашей точки зрения допустимыми.

Гораздо сложнее наши отношения к другим политиче-

ским партиям, «конституционно-демократической», стоящей влево, и «Союзу Русских Людей», стоящей вправо от нас. Чтобы точно установить эти отношения, необходимо определить взгляд нашей партии на основные вопросы государственной и социальной политики и в то же время определить, как смотрят на те же самые вопросы наши противники и наши союзники.

Центральный пункт всякой внутренней политики есть государственный строй. То или иное решение этого вопроса прямо или косвенно предрешает и все вытекающие из него формы государственной и общественной жизни. Союз, к которому мы принадлежим, поставив себе знаменем манифест 17-го октября, тем самым определил свою политическую физиономию. Мы стремимся к конституционно-монархическому устройству русского государства с законодательной Думой, избираемой на началах всеобщего, но не прямого голосования и с наследственным монархом во главе. Монарх должен не только царствовать, но и управлять государством при посредстве ответственных перед государственной палатой, но им свободно назначаемых министров и на основании твердых законов, выработанных палатой и им утвержденных. Мы убеждены, что нынешнее самодержавие, составлявшее некогда живую творческую государственную силу, уже исполнило свою историческую миссию, потеряло жизнеспособность и подлежит поэтому полному упразднению, как пережиток старины, мешающий дальнейшему развитию поли-

тической, культурной и экономической жизни нашего отечества. «Прежний неограниченный самодержец, всемогущий по идее, – сказано в воззвании нашего союза, – но, связанный в действительности всеми путями приказного строя, слабый, вследствие отчужденности от него народа, становится конституционным Монархом, который, хотя и находит пределы своей воли в правах народного представительства, но в самом единении с народом, в союзе с землей, в новых условиях государственного строя, получает новую мощь и новую высокую задачу быть верховным вождем свободного народа. Являясь в народном сознании по-прежнему воплощением государственного единства, служа неразрывной связью преемственно сменяющихся поколений, священным стягом, вокруг которого в минуту грозной опасности собирается народ русский, монархическое начало отныне получает новую историческую миссию величайшей важности. Возвышаясь над бесчисленными местными и частными интересами, над односторонними целями различных классов, сословий, национальностей, партий, монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить свое предназначение явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы».

Я позволил себе привести эту длинную цитату из воззвания нашего «Союза» потому, что она с особой яркостью и

силой отражает в себе наши чаяния, наши идеалы, словом, весь, если можно так выразиться, первый член нашего политического символа веры. Но если мы поставим себе вопрос, как же смотрит на этот краеугольный камень государственного строительства партия конституционалистов-демократов, то к удивлению нашему мы увидим, что ВТ; их программе пункт этот совершенно отсутствует. Как это ни странно, но несомненно, что в их партийной программе, разработанной настолько подробно, что в ней не упущены вопросы об условном осуждении, о способах употребления капиталов сберегательных касс, о размере платы за слушание лекций в университетах, совершенно проходится молчанием коренной вопрос: чем должна стать обновленная Россия, конституционной монархией, или республикой. Самые слова Император или Монарх ни разу не встречаются в программе конституционалистов-демократов, а определенные термины «империя» или «монархия» в отделе о государственном строе заменяются словом: государство, под которым можно разуметь любую политическую организацию. Хотя проф. Милюков и указывает в своей речи, что его партия не присоединяется к крайним левым в их требовании демократической республики, но, ведь, он и не указывает, каков же должен быть, по мнению партии, государственный строй обновленной России. Невозможно видеть в этом простой недосмотр или упущение. Следовательно остается допустить, что умолчание это сделано намеренно, что, предо-

ставляя разрешение этого коренного вопроса учредительно-му собранию, к созванию которого конституционалисты-демократы стремятся, они ничего не имеют возразить против того, чтобы это собрание разрешило вопрос в смысле введения в России республиканской формы правления. Но в таком случае как же назвать эту партию? Ведь, не может же она не знать, что республика в России может быть введена не иначе, как путем насильственного подавления громадных, масс монархически настроенного населения. Поэтому, если почтенный профессор считает необходимым, как он это говорит в своей речи, разоблачить истинные приемы стоящих справа свих противников, то русский народ, к которому конституционалисты-демократы обращаются путем печатного и устного слова, с гораздо большим основанием может и должен предъявить им категорическое требование, чтобы они сами разоблачили перед ним свои истинные убеждения относительно государственного строя реорганизованного Российского государства. Это необходимо и для нашего «Союза», чтобы точно и определенно установить наше к ним отношение в этом коренном вопросе политики.

Совершенно иначе решает вопрос о государственном строе «Союз Русских Людей». Исходя, как и все прочие партии, из глубокого недовольства настоящим порядком вещей, который причинил и продолжает причинять России столько бед и зол, группируясь подобно нам вокруг манифеста 17-го октября, который они признают обязательным для себя ак-

том Царской Воли, «Русские Люди» думают устранить зло и вывести государство на торную дорогу мирного культурного развития не решительным шагом вперед по пути коренных реформ государственного строя, а слабой попыткой возвращения назад вглубь русской истории, к тому порядку, когда несложность и простота экономического и социального быта допускала возможность для государственной власти обходиться помимо сложного бюрократического аппарата, в котором по их мнению только и заключается все зло и все наши беды. «Союз Русских Людей» на все лады, в устных беседах, в публичных чтениях па партийных собраниях, народных митингах, в газетных статьях и в великом множестве издаваемых им популярных брошюр, рассчитанных на широкий круг полуинтеллигентных и вовсе неинтеллигентных читателей, распространяет свои идеи. Мы можем их свести к следующим четырем основным положениям:

1. Самодержавие в России не отменяется, а только видоизменяется манифестом 17-го октября 1905 г.

2. Самодержавие само по себе в его, так сказать, чистом виде несколько не служит тормозом для политического и культурного развития русского народа. Для восстановления этой чистой его формы необходимо только устранить образовавшуюся между Царем и народом бюрократическую стену, мешающую их постоянному и непрерывному единению. Это может быть достигнуто совещательными формами народного представительства.

3. Самодержавие может быть упразднено не единоличной волей Государя, а только коллективной волей всего народа и, наконец:

4. Самодержавие, точно так же, как и православие, составляет органическую сущность русского народа, от которого он не может отказаться, не утратив своего национального духа.

Постараемся разобраться в этих положениях и осветить их, как в их теоретическом построении, так и со стороны их исторического оправдания.

Размеры предоставленного мне времени не позволяют сделать это с той полнотой, как это было бы желательно, а потому я постараюсь ограничиться только самым существенным.

Что принципиально неограниченность царской власти на Руси отменена манифестом 17-го октября, это с очевидной ясностью обнаруживается из текста самого манифеста. Если не один закон не может воспринять силу без его одобрения Государственной Думой, то это значит, что иного порядка осуществления законодательной власти нет и не может быть, и что самая Дума из законосовещательного учреждения, каким она предполагалась по закону 6-го августа, сохранявшего незыблемость основных законов Империи, другими словами, верховного самодержавия, становится по манифесту 17-го октября, по весьма понятной причине ничего не говорящему об этой незыблемости, учреждением законодательным, а таковым она может быть только при существовании

конституционного строя, в данном случае ограниченной монархии. «Союз Русских Людей», по-видимому, вводится в заблуждение тем, что русский Император и после манифеста 17-го октября продолжает именоваться самодержавным. Но тут нет никакого противоречия. Фактически самодержавие продолжается и будет продолжаться до созвания Государственной Думы на началах манифеста 17-го октября и до издания нового основного закона Российской империи, т. е. конституционной хартии, которой будет раз навсегда отменена ст. 1 т. 1 Свода Законов. Поэтому нет ничего ненормального в том, что Император, как в манифестах, изданных после 17-го октября, так равно и в церковном богослужении продолжает именоваться самодержавным, и распоряжение одного из архиепископов, исключившего это слово из богослужебного обихода, мы никак не можем считать правильным.

«Союз Русских Людей» при всем отрицательном отношении к бюрократически-приказному строю все же считает не только возможным, но и весьма желательным сохранить в нашем отечестве верховное самодержавие. Односторонне усвоенные исторические факты указывают ему, что было время, когда при наличности самодержавного строя чиновничество имело гораздо меньшее значение, нежели в наши дни. Но тут или упускается или недостаточно оценивается коренное различие в политической и экономической жизни государства того времени и современного. В тот пери-

од нашей истории, когда не было ни аграрного вопроса, ибо при крайне редком и почти сплошь крепостном сельском населении и громадном обилии земли не было повода для его возникновения, ни рабочего вопроса, ибо на всей территории нашего отечества не существовало ни одной фабрики в нынешнем значении этого слова, ни вопросов образования, ибо светские школы отсутствовали, а монастырские и церковные находились вне ведения гражданских властей, ни международной политики в её нынешнем значении, так как иностранные сношения с варварской Московией носили скорее характер случайности, ни военного дела, которое составляло частную повинность наделенных землею служилых людей, обязанных по царскому зову являться со своими холопами, «конными людными и оружными», постоянного же войска в том виде, как оно существует теперь, не было вовсе, ни финансов, вместо которых существовала очень небогатая «Государева казна», – при таком состоянии государства не требовалось сложного бюрократического аппарата, и Московский Царь мог распоряжаться в государстве, как крупный помещик в своем имении. Но и этот период русской истории может представляться в радужном свете только при крайне одностороннем и пристрастном к нему отношении. А если мы заглянем поглубже в сущность реальных фактов, то перед нами восстанет яркая картина народного угнетения и чиновничьего произвола, и мы скоро убедимся, что и в Московский точно так же, как и в Петербургский период нашей

истории верховная власть, несмотря на множество совещательных земских соборов не могла ни правильно попятить народные нужды, ни еще менее, прийти им на помощь. В ярких красках рисуют это печальное положение иностранцы-путешественники, в особенности англичанин Флетчер, посетивший Москву и другие русские города в самом конце XVI века и описавший свое путешествие в известном сочинении «О Московском Государстве». Как бы ни изощрались защитники неограниченной царской власти, но им никогда не удастся отыскать ту формулу, посредством которой можно было бы примирить непримиримое. Истинное единение между Монархом и народом может произойти только на почве политической свободы, из которой органически вытекают и все остальные свободы: слова, печати, собраний, союзов, а также гражданская и уголовная ответственность высших и низших чиновников перед общим и для всех равным судом. Это должны признать, наконец, защитники самодержавия, ибо это непреложный закон истории, и им остается одно из двух: или примириться со всеми беззакониями, неправдами и безнаказанностью произвола приказного строя, или, для устранения их, решиться на ограничение верховной власти. *Tertium non datur!* – «Союз Русских Людей» держится того мнения, что самодержавная власть в России не может быть уничтожена единоличной волею Самодержца, но только волею всего народа, из рук которого Самодержец принял эту власть. Тезис этот ничем не подкрепляется; между тем он

очень нуждается в доказательствах и никак не может быть принят как аксиома. Прежде всего отметим внутреннее противоречие: если самодержавная власть встречает какое-либо ограничение, то тем самым, она уже перестает быть самодержавной. Мы думаем напротив, что если и согласиться с тем, что русский государь когда-либо принял власть из рук народа как сознательный и добровольный дар, чего на самом деле никогда не было, то он обладает всей полнотой права возвратить этот дар тому же народу, убедившись, что обязанности, сопряженные с этим даром, ему становятся, в силу изменившихся условий, уже непосильными. Так именно и поступил Император Николай II, издавши манифест 17-го октября. Но оставляя в стороне академический спор, обратимся к истории, которая не задает теоретических проблем государственного права, а решает спорные вопросы чисто практическим способом. Во всей всемирной истории не было примера, чтобы один государственный строй сменялся другим по добровольному соглашению монарха с народом, а всегда процесс этот совершался или медленным эволюционным путем или посредством острого революционного кризиса, вызванного целой совокупностью экономических, бытовых и иных условий народной жизни. Нет ровно никакого основания утверждать, что русская история представляет в этом отношении исключение, а скорее необходимо признать, что именно такой исторический процесс совершается на наших глазах. От верного его понимания и правильного к нему отношения бу-

дет зависеть, совершится ли он путем эволюции или революции. Но кажется приходится признать, что и в этом, как во многом другом, мы опоздали, так как революция уже началась.

Последняя крепость, в которой сторонники самодержавия и во главе их «Союз Русских Людей» пытаются защищаться от нападений конституционалистов, поднимает знамя национальной самобытности русского народа, которому будто бы до такой степени несвойственны западно-европейские государственные формы, что он ни в каком случае не может их воспринять. Самодержавие и православие, так проповедует «Союз Русских Людей», составляют органическую принадлежность русского народа, утратив которую он неизбежно утратит и всю свою национальную физиономию, а этого он никогда и ни за что не согласится сделать. Что касается православия, то существование многочисленных религиозных сект чисто рационалистического характера, ничего общего не имеющих с православием, и широкое их распространение могли бы навести на основательные сомнения в верности этого положения, но касаться этого вопроса не входит в мою задачу. Крупная ошибка сторонников самодержавного строя состоит в том, что конституционные формы, взятые сами по себе, представляются им чем-то специфически-чуждым русскому народу. Между тем в этих формах так же мало национального, как в паре или электричестве. Ведь, на самом деле, они суть нечто иное, как общие нормы, в которые каждый на-

род укладывает свое специальное содержание, являющееся результатом его исторической жизни. То же самое в ближайшем будущем предстоит русскому народу. Что самодержавие сыграло громадную роль в создании русского государства, не подлежит никакому сомнению, что оно утвердилось в России прочнее, чем где-либо, этому причина совокупность целого ряда экономических, этнографических, бытовых и географических условий, рассматривать которые здесь не место и не время. Но из этого никак не следует, чтобы самодержавие, вопреки мировому закону жизни, состоящей из постоянной смены одних форм и явлений другими, было чем-то стоящим вне категорий пространства и времени: вечным, незыблемым, неизменным. Не мешает помнить, что такие убеждения в известных случаях могут быть и не безопасны. Если Фридрих-Вильгельм IV Прусский поплатился за них только ужасом мартовских дней, то Карл I Английский и Людовик XVI Французский заплатили за них жизнью. Попытки ограничения царской власти проходят через всю русскую историю XVII, XVIII и XIX в.в. Стоит вспомнить царствование Василия Шуйского, «кондиции», предложенные Анне Ивановне, проект конституции Сперанского при Александре I, революционное движение декабристов, чтобы убедиться что конституционные начала вовсе не так чужды русскому народу, как это желают доказать сторонники неограниченной монархии. И, наконец, тот самый царь, Михаил Федорович, на которого так любят ссылаться защитники самодержавия как

на типичного носителя этого великого, в их глазах, принципа неограниченной власти, врученной ему самим народом, в действительности был избран на известных, хотя и не вполне историей выясненных, ограничительных условиях и полным Самодержцем сделался только в 1025 г. т. е. после 12-ти лет царствования. Все реформы Александра II, в их совокупности, составляют нечто иное, как постепенное, систематическое, хотя и очень медленное строительство конституционного государства, которому до сего времени недоставало лишь окончательного завершения. Строящийся дом, остающийся долго без крыши, начинает портиться: стены выкрошиваются, деревянные части гниют и покрываются плесенью. То же самое происходит и в государственном строительстве: примером может служить наш суд и наше земство. Поэтому не о том следует жалеть, что самодержавному строю в России наступает конец, а о том, что он слишком долго существовал, что он пережил сам себя и из начала деятельного и созидательного обратился в тормоз развития национальных творческих сил. Отсюда сначала глухое, но затем все более и более обостряющееся недовольство всем порядком вещей, недовольство правительством, не желавшим считаться с тем, что русский народ давно перерос свои политические формы, отсюда глубокий разлад между народом и властью, последствия которого так тяжело сказываются в событиях последнего времени. Это прекрасно понимают все конституционные политические партии, а поэтому они так го-

рячо и приветствуют манифест 17-го октября, проведение в жизнь которого, кроме всех ожидаемых от него благ, только и может создать необходимое для всякого государства сильное и опирающееся на народное доверие правительство. Не хочет понять этого только «Союз Русских Людей», и в этом его непонимании кроется между ним и конституционными партиями коренное разногласие, устранить которое было бы полезно для обеих сторон.

Я позволил себе так долго удержать внимание почтенного собрания на коренном вопросе об отношении различных политических партий к государственному строю по той причине, что это отношение уже заранее намечает путь, по которому та или другая партия пойдет в разрешении остальных вопросов государственной политики. Перехожу теперь к другому, также весьма важному, вопросу, определяющему политические окраски различных партий, подвергавшемуся на съездах многим и долгим дебатам, к вопросу о целости и неделимости русской империи. В его практическом решении он сводится к взглядам различных политических партий на положение наших окраин или областей как с иноплеменным населением, так и чрезмерно удаленных от местопребывания органов центрального правительства. Требуется решить, должны ли эти окраины и области пользоваться только широким местным самоуправлением наравне с остальной Россией, или для их процветания и укрепления связи с русским государством необходимо особое политиче-

ское устройство так наз. «политическая автономия» с особыми местными представительными собраниями, сеймами, ведающими не только одни хозяйственные, но и политические интересы края. Сходясь не только с родственными нам по убеждениям конституционными партиями, но и с партией конституционалистов-демократов в том, что, как в центральной России, так равно и на её окраинах новый государственный порядок должен обеспечить широкую экономическую децентрализацию на самых демократических началах, что за отдельными национальностями и вероисповеданиями должно быть признано самое широкое право на защиту и удовлетворение своих культурных нужд в пределах, допустимых общей идеей государственности и интересами других национальностей, и «Союз 17-го октября» расходится с конституционно-демократической партией в вопросе о децентрализации политической. Конституционалисты-демократы непререкаемым требованием своей, как теперь принято говорить, платформы, ставят, чтобы немедленно, по установлении в империи конституционного представительства, был открыт путь для установления местных автономий и областных представительных учреждений, что же касается царства польского, то там должен быть установлен и законодательный сейм. В такой политической мере едва ли можно усмотреть что-либо иное как первый, но весьма определенный приступ к переустройству русского государства из единого и цельного в государство федеративное. Оставляя

в стороне вопрос, какую политическую организацию получит Россия в более или менее отдаленном будущем, сохранит-ли она свое нынешнее единство, распадется-ли она на несколько самостоятельных государств, или образует федерацию в виде славянских соединенных штатов, в состав которых быть может войдут и славянские земли, лежащие за чертою наших границ, – мы полагаем, что возбуждать и ускорять искусственно этот процесс не только не в интересах нашей политики, но даже представляет государственную опасность. Пробужденные уступчивостью нашего правительства сепаратистские инстинкты могут легко увлечь нашу западную окраину на путь открытой борьбы и восстания, губительных прежде всего для неё самой и могущих создать неисчислимыя трудности для России. Поправить раз сделанную ошибку будет крайне трудно. Пример Финляндии ясно указывает как трудно взять обратно то, что раз отдано. И пусть не говорят нам, что так как полное политическое отделение невыгодно для Польши, то она от нас и не отложится. Мы знаем, что могут быть, как в жизни единичного человека, так и целого народа, такие минуты, когда аффект берет верх над холодным расчетом, когда само по себе вполне законное национальное чувство может получить такое напряжение, что народ будет вовлечен в действия, прямо противоположные его реальной пользе. Всего легче и скорее это может произойти именно в Польше, где еще живы воспоминания прежней политической свободы. Неизбежные споры о пре-

делах и формах автономии, о границах автономных областей вызовут не успокоение, а обострение отношений, которому очень легко перейти в открытую вражду. Где и как определить границы автономной Польши? Замыкается ли она в тесные границы 10-ти польских губерний, или распространяется на территорию польского королевства до первого раздела или наконец обнимает Польшу XVII века, «от моря и до моря» с Киевом включительно? А в этом последнем случае что же будет удерживать в личной унии с Россией новое могущественное государство, способное помериться с ней силами? Как определить границы автономных Армении и Грузии, когда и армяне и грузины живут попеременно во всем Кавказе? Но в тех же местностях живут и русские. И если областные автономии установят употребление местных языков в школе, в суде, в общественных, а быть может и государственных учреждениях, то неужели русских, живущих на Кавказе и в Польше надо будет заставить учиться, судиться, отправлять общественные и государственные обязанности на совершенно чуждых и незнакомых на грузинском, армянском и польском языках? Ссылка на Германию, к которой прибегают иногда защитники областных автономий, не выдерживает критики. Отдельные государства, вошедшие в состав Германской Империи не приобрели, а уступили часть своих прав в интересах общего отечества, к которому они тяготели уже с начала XIX столетия под давлением той центростремительной силы, которая связывает Германию в од-

но общее духовное целое. Они вошли в нее с точно очерченными границами, об «исправлении» которых, как это указывается в программе конституционно-демократической партии относительно Польни, не было и речи. Высказываясь в своей программе вопреки мнению левых партий против политической автономии окраин и главным образом Польши, к которой прежде всего пришлось бы применить эту меру, наш «Союз» исходит из того убеждения, что если опасна искусственная централизация государства, то во много раз опаснее и искусственная децентрализация там, где такая мера не вызывается самой настоятельной потребностью. А такой необходимости наши противники еще не доказали. Само по себе далеко не верно положение, что различные национальности, соединенные в одном и том же едином государстве под одной верховной властью и с одним центральным законодательным учреждением, должны неизменно в интересах мира и спокойствия пользоваться автономным устройством. Бельгия служит веским доказательством противного. В ней французские провинции (Люксембург, Намюр, Брабант) и фламандские (Гент, Брюгге, Люттих), различные по племенному происхождению и по языку, обходятся без автономии и прекрасно уживаются в одних государственных формах и при решительном господстве французского языка. Я не буду касаться здесь вопроса о пределах права отдельных национальностей культурного самоопределения, в его общем значении. Это вопрос очень обширный и заслу-

живающий отдельного исследования. Я постараюсь свести вопрос в те более узкие рамки нашей программы, в которых в данную минуту он имеет для нас практическое значение. В полном согласии со всей группой конституционно-монархических партий, к которой принадлежит и наш «Союз», мы полагаем, что широкая земская т. е. экономическо-хозяйственная децентрализация, полная свобода религии и совести, местных языков и наречий будет совершенно достаточна, чтобы создать во всем разноплеменном населении нашего государства понятие об одном русском народе, одном великом всеобъемлющем русском отечестве, создать то душевное настроение, при котором каждый русский свободный гражданин «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», в одинаковой мере призванный прямо или косвенно к делу строительства русской земли, сознавал бы себя представителем интересов великого народа, принадлежать к которому – его счастье и слава. «Все русские граждане» – говорит партия «Правового Порядка» в своей программе, – должны себя чувствовать как на ближайшей своей родине, так и на всяком углу Империи одинаково слугами, одинаково хозяевами, а государство наше, особенно при его настоящем международном положении, должно себя признавать безусловно единым, располагающим на одинаковых основаниях всеми силами своих граждан. И всякий член Государственной Думы соответственно тому должен быть проникнут твердым взглядом, что он есть представитель интере-

сов всей России. Кто бы ни был член Думы по своему месту рождения, или жительства, племенному происхождению, сословию, занятию и т. п., для него одинаково близки должны быть и заботы о нуждах всякой части Империи, всякой национальности, всякого сословия и всякого класса. Словом, член Думы есть деятель государственный, а не ходатай за интересы лишь известной местности, известного племени, известного сословия или известного класса по занятиям Мы вполне присоединяемся к этим прекрасным и прекрасно выраженным мыслям. Но Мы не хотим создавать утопий, строить воздушных замков. Мы не мечтатели, а должны быть трезвыми политиками. Мы отлично отдаем себе отчет в том, что картина, которую так ярко нарисовала партия «Правового Порядка», едва-ли когда-нибудь может стать действительностью во всей её полноте. Едва-ли когда-нибудь будет время, когда поляк перестанет сознать себя поляком, грузин – грузином, армянин – армянином, малоросс – малороссом. Но ведь, и не нужно, чтобы исчезло это сознание. Если политическая свобода в России приведет к тому, а к этому она несомненно должна привести, – что различные племена, населяющие наше отечество, будут чувствовать и сознать себя, не как искусственно прикованные к государству посторонние тела, а отдельными частями, органически связанными с общим целым и необходимыми для его жизни, тогда и их местный патриотизм, находящий себе постоянную пищу в народных преданиях, народной поэзии, воспоминани-

ях о народных торжествах и бедах, может существовать и в России с той нее закономерностью, с какою он существует в Германии, во Франции и в Италии. Он будет тогда и у нас, как и там, не подтачивать, а укреплять общий великий русский патриотизм. Вот в этих-то целях «Союз 17-го октября» и включает в свою программу задачу проводить идею целостности и неделимости русского государства и в народное сознание и в государственную политику.

Я не буду долго останавливать внимания нашего почтенного собрания и коснусь только вскользь вопросов народного образования, судебного устройства, местного земского самоуправления. Во всех этих вопросах между нами и политическими партиями, стоящими справа от нас, нет разногласий, а между теми, которые стоят слева от нас, разногласия эти не имеют настолько принципиального характера, чтобы стоило подвергать их особому анализу. Как мы, так и прочие партии во всех этих отраслях государственной и общественной деятельности проводим одни и те же идеи возможно большей свободы, возможно широкой демократизации, возможно большего расширения сферы деятельности, поскольку это совместимо с общими задачами и целями государства. Я перейду к рассмотрению экономического отдела нашей программы, к вопросам крестьянскому и рабочему, в понимании и разрешении которых мы встретимся с более существенными разногласиями между нами и стоящими рядом с нами политическими партиями.

Не только с партиями, родственными нам по убеждениям, но и с конституционалистами-демократами мы согласны в том, что первая задача русского конституционного правительства в разрешении крестьянского вопроса должна состоять в приобщении крестьян к полноте гражданских прав наравне со всеми прочими гражданами русского государства и в разрешении земельного вопроса. Во исполнение этой задачи должна быть уничтожена над крестьянами всякая административная опека, выборные судебные-мировые учреждения должны быть распространены и на крестьянские дела, откуда само собою вытекает необходимость уничтожения волостных судов, должны быть регулированы земельные аренды и, наконец, крестьянское малоземелье должно быть устранено путем наделения безземельных и малоземельных крестьян за счет казенных и удельных земель, путем переселения и расселения, а там, где это окажется необходимым, и за счет частновладельческих земель посредством добровольной покупки при участии государства, а в самых крайних случаях посредством принудительного их выкупа на справедливых условиях вознаграждения. Но на этом и кончается наше единомыслие с партией конституционно-демократической. В самой постановке вопроса о принудительном отчуждении частных земель в пользу крестьян обнаруживается между нами резкое различие взглядов, имеющее свои глубокие корни в различном отношении к институту частной собственности. Тогда как конституционалисты-демократы с

легким сердцем предполагают прямо приступить к насильственному выкупу частных земель, пренебрегая какими бы то ни было попытками уладить этот вопрос путем добровольных сделок и соглашений при посредничестве государства, мы считаем возможным приступить к этой крайней мере только с величайшей осторожностью и в случаях, когда с одной стороны она вызывается государственной необходимостью, а с другой – когда все остальные меры окажутся недостаточными. Ясно выраженная социалистическая тенденция конституционалистов-демократов в программе которых (п. 37) отчужденные частновладельческие земли не поступают в полную собственность крестьян, по составляют особый государственный земельный фонд, сталкивается здесь с чисто индивидуалистическим взглядом «Союза 17-го октября». Здесь не место ни излагать, ни подвергать критике учение социалистов, с основными взглядами которых почтенное собрание хорошо знакомо. Достаточно сказать, что наш союз их не разделяет и не будет проводить. Что бы ни говорили поклонники крайних социалистических учений, какую бы заманчивую картину будущего государства, организованного по их программе, ни рассовали они, все же остается несомненным, что для современного общества частная собственность есть не только правовой институт, сохранивший всю свою (жизнеспособность, но и великая созидательная экономическая сила. Живущие на земле и землю наши крестьяне (пользуются этим правом далеко не в той мере,

как их соседи-землевладельцы, а потому они и лишены в такой же мере и связанной с ним силой. Здесь, быть может, кроется одна из причин остроты, с которой в последнее время вырастает перед нами крестьянский вопрос, а следовательно и тех тяжелых потрясений, которые мы на этой почве только что испытали и которые, быть может, нам еще угрожают в будущем. Не к национализации крестьянской земли, хотя бы и частичной, будем мы стремиться, а к возможно большей её индивидуализации, к тому, чтобы поставить крестьянское землепользование в точно такие же условия владения на правах полной собственности, в каком находится владение землею всех остальных граждан Российской Империи. Благо собственности, от которого наверно не откажется никто, должно быть доступно всему русскому крестьянству. В этом и заключается истинное равенство всех перед законом, которое должно быть положено в основу русской конституции. Только тогда можно ожидать от русского крестьянства, наравне с другими сословиями смелой инициативы, духа самодеятельности и самопомощи, пробуждения дремлющих народных сил, словом, всего того духовного подъема, на необходимость которого для культурного и экономического роста государства справедливо указывает программа «Союза 17 октября».

С не меньшей остротой, нежели вопрос крестьянский, стоит перед русской общественной мыслью и рабочий вопрос. Вполне понятно поэтому, что программы почти всех

политических партий уделяют ему видное место. Наш «Союз» не берет на себя задачи представить хотя бы только в общих чертах проект рабочего законодательства. Он высказывает лишь убеждение, что удовлетворительное его решение может быть достигнуто только путем организации рабочего класса и промышленности, ибо только правильно и закономерно развивающаяся промышленность можешь прочна обеспечить рабочего. Наш союз, конечно, убудет приветствовать возможное сокращение рабочего дня, поскольку оно допустимо без ущерба промышленности и торговли, но не настаивает так категорически, как это делают конституционалисты-демократы на 8-ми часовом рабочем дне. Теоретически совершенно правильное деление суток на три равные части по 8-ми часов, на работу, сон и отдых не 7 находит и па западе повсеместного осуществления.

Тем труднее будет осуществить его у нас при наличии совершенно особенных, отличных от западной Европы условий экономических, географических и бытовых, влияющих в смысле понижения, а не повышения интенсивности и производительности труда. Нельзя оставить без внимания и того обстоятельства, на которое указывает «Торгово-Промышленная Партия», что вследствие религиозных потребностей русского народа, от которых, конечно, не откажутся и рабочие, гораздо менее обособленные от народа, нежели на западе, число праздников у нас гораздо больше, нежели в Западной Европе. Следовательно, если, как того требуют со-

циалисты, за которыми слепо идет партия конституционалистов-демократов, ввести у нас 8-ми часовой рабочий день, то Германия будет работать на 40 % времени больше, чем мы. Отсюда неизбежно произойдет вздорожание наших товаров и увеличение заграничного ввоза. Нетрудно усмотреть, какие вредные последствия произойдут отсюда для наших финансов, нашего экономического хозяйства и для бюджета того же и так уже бедного крестьянства, о котором так заботится конституционно-демократическая партия, предлагающая эту меру. Лишь в интересах народной гигиены мы высказываемся в нашей программе за сокращение рабочего времени в особенно вредных для здоровья производствах и во всех прочих для женщин и детей. Мы думаем, что продолжительный опыт Западной Европы и обширная научная литература дадут Государственной Думе достаточно богатый материал для решения этого серьезного вопроса в применении к русской действительности и с одинаковым уважением интересов как промышленности, так и труда.

Что касается вопроса о свободе стачек, как средства для рабочих защищать свои интересы, то и здесь мы встречаемся с серьезным разномыслием между «Союзом 17-го октября» и «конституционно-демократической партией». Последняя (п. 41) признает это право безусловным и ничем неограниченным; «Союз» ограничивает его с двух сторон: во-первых относительно характера самой стачки, во-вторых, относительно производств, на которые стачка распространяется.

Исходя из основного принципа свободы и неприкосновенности личности, «Союз 17-го октября» признает стачку только мирную, без всякого насилия над личностью или посягательства на имущество, как средство принуждения к участию к стачке. «Снимать» рабочих, как теперь принято говорить, – безусловно должно быть запрещено под страхом наказания. В свободном государстве никто не должен быть никем принуждаем к таким действиям, которые от него не требуются законом, и мы можем только удивляться, что партия конституционно-демократическая, так ревностно оберегающая свободу личности, не вводит в свою программу вышеуказанного ограничения стачек. Точно так же, в противоречии со взглядами «конституционно-демократической партии», «Союз 17-го октября» находит необходимым ограничить особым законодательством свободу стачек в таких производствах, где они угрожают интересам не отдельных капиталистов, а целого населения, а, в иных случаях, и всего государства. Как на пример можно указать на забастовки железнодорожные, аптек, оружейных или пороховых заводов и др., а тем более, если такие забастовки происходят во время эпидемий или войны. Причины, побудившие «Союз» ввести в свою программу такое ограничение свободы стачек, понятны сами собою и не требуют объяснения.

Неоднократно и с разных сторон посылали нам упрек в том, что «Союз 17 октября» решает вопросы государственной и общественной жизни не в интересах трудящихся масс,

а в интересах капитала и владельческих классов. Но говоря уже о том, что упрек этот глубоко несправедлив, мы думаем, что и самая постановка вопроса совершенно неправильна. Мы думаем, что всякое сословие, всякая общественная группа, независимо от того, какое место занимает она в государстве, имеет равное право на существование, а, следовательно, и на защиту своих интересов со стороны закона. Не интересы богатого или бедного, имущего или неимущего, помещика или крестьянина, капиталиста или рабочего должны служить критерием для законодателя, а с отвлеченно-теоретической стороны – самая объективная справедливость, с реально практической – интересы великого целого нашего общего отечества, которое, к сожалению, слишком часто забывается в погоне за классовыми, профессиональными и партийными интересами. На этой почве желает стоять наш «Союз 17-го октября».

Такова наша платформа, – если мне позволено будет употребить это уже вошедшее в русскую речь выражение, – как она отразилась в нашей программе относительно общей организации государственной власти, политики, экономических и социальных вопросов, а также в её отношении к платформам других политических партий. Мы составляем партию с достаточно широкой программой для того, чтобы получить наименование «Союза» и уложить в своих рамках родственные нам по духу и убеждениям целые партии без всякого ущерба для их автономности. Мы составляем пар-

тию конституционную, демократическую, мирную, монархическую. Принципы манифеста 17-го октября, которые мы выставили на своем знамени, и которые связывают нас с правительством, должны иметь для нас значение обещания конституционной хартии, и никакого иного их толкования мы не допускаем. На пути к осуществлению их мы будем поддерживать правительство и только па этом пути. Пусть это твердо знают и наши противники и наши союзники. Мы не скрываем от себя того, что путь этот ведет не всегда по гладкой дороге либеральных реформ, но это сознание не может нас смутить и заставить изменить наше отношение к правительственной власти, при том непременно условии, чтобы правительство не колебалось в нас уверенности, что временные и силою обстоятельств вынужденные стеснения суть в его руках орудия борьбы не против освободительного движения русского народа, а за него с теми элементами, для которых нужна не политическая свобода страны, а анархия.

Мы партия *демократическая*. Не требуя немедленного уничтожения сословий, которые несколько не мешают ни политической, ни гражданской свободе, мы стоим за полную бессословность всех как государственных, так и общественных учреждений.

Всякому гражданину русского государства, к какому бы сословию он ни принадлежал и какую бы веру ни исповедовал, должен быть на совершенно равных условиях обеспечен доступ ко всякой должности в государственных и обще-

ственных учреждениях, и в равной степени защита его прав и интересов.

Мы партия *мирная*. *Мир и порядок!* Вот наш лозунг, с которым мы выступаем на политическую арену. Всякое проявление насилия – до политической забастовки включительно, с нашей точки зрения не находит себе оправдания. Наш «Союз 17-го октября» растет с часу на час и его отделения уже густой сетью покрыли русскую землю. наших членов мы считаем тысячами и недалеко то время, когда мы будем их считать десятками тысяч. Мы можем поэтому создать сплоченное общественное мнение, проникнутое идеей политического обновления России на началах нашей программы. Этим могучим орудием мы будем бороться с нашими противниками, им же убеждать колеблющихся и равнодушных и поддерживать наших союзников. Ведь, если грубое насилие может временно торжествовать, то прочная и окончательная победа всегда останется за идеей.

Мы партия *монархическая*. Не унижить, а возвысить царскую власть составляет наше призвание. Мы хотим создать для русского Императора то положение, которое ему должно принадлежать в обновленном государстве, которое он сам избрал, даровав своему народу манифест 17-го октября, и которое единственно его достойно. И если простой русский человек, плохо умеющий разбираться в тонкостях партийных программ, спросит кого-либо из нас: Вы за Царя, или против Царя? То каждый из нас может, прямо смотря в гла-

за вопрошающему, без всякого колебания ответить: Мы за Царя, но не за того, который полубог по идее, в действительности бессилён и за спиною ловких и беззастенчивых временщиков не видит ни народного горя, ни народной нужды, а за того Царя, который в живом и непрерывном общении со свободным народом более, чем когда-либо, явится в его глазах литым воплощением государственного единства, могущества, законного порядка, правды и милости.

Таковыми убеждениями должны быть проникнуты те, которых мы пошлём в Государственную Думу. Они встретятся там с представителями иных взглядов, иных убеждений, и между ними возгорится борьба. Но нас не страшит эта борьба; напротив мы горячо её призываем. Из столкновения мнений рождается истина, говорит известная пословица. Мы можем добавить: не только истина, но и благо, если спорящие будут одушевлены искренним желанием добра. Мы убеждены, что так это и будет. Мы твердо верим, что великий наш народ найдет в своих рядах достаточно борцов за, может быть, различно понимаемые, но одинаково страстно желаемые, честь, славу и благоденствие одной, общей, всем одинаково дорогой матери-России.